

ЧТО ГОВОРЯТ О «СОНДЖУ»:

«Одна из многочисленных трудных задач феминизма — это потребность выразить его в искусстве, не поддаваясь искушению слишком упростить или, напротив, чересчур приукрасить эволюцию целого движения, рассказывая истории отдельных женщин в рамках окружающих их социально-культурных реалий. Когда большинство читателей незнакомо с этими реалиями, всё становится ещё сложнее. “Сонджу”, впрочем, прекрасно с данной задачей справляется.

Роман “Сонджу” пропитан правдой и реализмом. У читателя не вызывает сомнений строгость культуры или преданность этой культуре главной героини. Читатель восхищается маленькими, но уверенными шагами, которые Сонджу и Корея делают вместе. Это и правда уникальная история — незабываемая и дарящая глубокое удовлетворение».

Кэтрин Берк, автор книг
The Hostage, The Suppliant,
The Hunter и The Good Kinsmen

ВОНДРА ЧАНГ

«Вондра Чхан радуется нас историей семьи, любви и поисков счастья. Эта книга — настоящее путешествие, наполненное любовью, трагедией и интригами. Наслаждайтесь».

Хосе Антонио Родригез,
автор *This American Autopsy*

«Чхан одарила нас эпической историей, пульсирующей жизнью, лихорадочной от тоски, сияющей надеждой и пропитанной человечностью. Этот стиль письма и повествования надолго останется в вашем сердце и душе и проникнет в кости».

Брайан Петкаш,
автор *Mistakes by the Lake*

*Посвящается моим родителям,
Чхан Рак Чхину и Ён Ёсун*

ЧАСТЬ 1

СЕУЛ

1946 год

При виде двух высоких американцев в военной форме, идущих к Центральной резиденции правительства Кореи, сердце Сонджу забилося быстрее. Через месяц после сброса Америкой атомных бомб на Хиросиму и Нагасаки одна из её одноклассниц, японка, пришла попрощаться, и они плакали вместе. Это было уже больше года назад. Сонджу снова взглянула на широкие спины американцев впереди. Затем свернула налево и пересекла бульвар. Крепче сжав в руке мыслекамень, она прибавила шаг. Сухой ноябрьский воздух царапал горло, изо рта вырывались белые облачка пара. Восьмой дом от угла, в традиционном стиле и недавно побелённый, сказала ей Мису. После четвёртого стука лакированные деревянные ворота слегка приоткрылись, и в проём выглянула молодая служанка.

— Я подруга хозяйки, — сообщила Сонджу.

Служанка впустила её, и Сонджу прошла во двор, а оттуда — в дом. Служанка пронеслась мимо, опережая её, кивком указала в сторону гостиной и торопливо объявила в дверях:

— К вам посетительница, госпожа.

Мису открыла узорчатую стеклянную дверь. На её лице тут же расцвела улыбка — как первый подснежник после долгой зимы.

— О, это ты!

Взяв Сонджу под руку, она прошла с ней в комнату. Длинное атласное платье шелестело при каждом шаге. В супружеской спальне у Мису всё было новым и сверкало чистотой: традиционно покрытый промасленной бумагой пол, шкаф с двойными дверцами у стены и четыре напольных подушки рядом, аккуратно сложенные в стопку. У другой стены на низком комоде стояли три бело-синих фарфоровых изделия. В одном из них, как драгоценность, лежал мыслекамень Мису. Кунгу, Мису и Сонджу каждый взяли по маленькому плоскому камушку в церковном саду, когда ещё ходили в начальную школу, и назвали их «мыслекамни».

Сонджу сняла пальто и перчатки. Опустившись на подушку, она взглянула на цветы, вышитые на розовой юбке Мису, затем кинула быстрый взгляд на собственную юбку — простую серую, шерстяную.

— Ты вся светишься, Мису. Замужество тебе к лицу.

Вишнёвые губы Мису сложились в улыбку. Узкие глаза сверкнули. Однако, изучив лицо Сонджу, она тут же перестала улыбаться.

— Что-то случилось?

Сделав глоток горячего ячменного чая, Сонджу сказала:

— Сегодня утром матушка объявила, что моя сестра помолвлена. Свадьба в апреле. Она сказала, что её дочери должны выходить замуж в порядке старшинства, — она провела пальцами по подушке. — Я ещё не готова.

— А когда ты будешь готова? Тебе ведь почти двадцать.

— Ты тоже следишь за моим возрастом? — Сонджу мысленно поморщилась от того, как напряжённо прозвенел её голос. Добавила уже мягче: — Я хочу выйти за Кунгу.

Затем она спросила:

— Что мне делать?

Брови Мису взлетели.

— Замуж за Кунгу? — Она устало вздохнула. — Надо было прекратить с ним видеться ещё в средней школе. Не просто так мальчиков и девочек начинают учить отдельно в этом возрасте.

Сонджу хотела сказать что-нибудь столь же снисходительное в ответ, но вместо этого возразила:

— Но мы не прекратили. Мы втроём поклялись на мыслекамнях, что будем дружить всю жизнь. Я ведь уже говорила, когда мне исполнилось двенадцать, что не собираюсь бросать дружбу с Кунгу только потому, что якобы «выросла».

— Повезло, что нас ни разу не застукали с ним. Но брак? — Мису покачала головой. — Ты же не настолько безрассудна?

При чём тут безрассудство? Сонджу сделала глубокий вдох и напонила себе: терпение, терпение.

— А ещё я говорила, что если бы ты родилась в такой же семье, как он, мы всё равно стали бы лучшими друзьями.

Некоторое время Сонджу наблюдала, как Мису нервно теревит нижнюю губу. Затем сказала:

— Мису, это ведь моя жизнь. Не матушки и не чья-то ещё. Выбор должен быть за мной. В отличие от наших родителей, мы с тобой получили хорошее образование, а не изучали эту степенную

философию конфуцианства. Мы годами говорили о том, как вести современный образ жизни.

— Только вы с Кунгу говорили об этом.

Всё-таки зря она пришла. Раздавленная её ответом, Сонджу попыталась снова:

— Мы с Кунгу понимаем друг друга. Мы столько всего хотим сделать вместе. Мы станем в браке партнёрами с равным правом голоса. Как я могу от него отказаться?

Мису наклонила голову вбок.

— Твои родители ни за что не одобряют этот брак.

Сонджу уже почти два года сопротивлялась попыткам матери выдать её замуж.

— Мне нужен только ещё один год, — сказала она. — К тому времени Кунгу окончит университет и у него будет надёжная работа. Тогда мы сможем пожениться. Даже если мне придётся сбежать с ним из дома.

На самом деле она уже думала о том, чтобы уйти из дома на этот год, но куда бы она пошла? Как бы зарабатывала на жизнь?

Мису сказала:

— Ты *не можешь* сбежать с ним. Что станет с твоей семьёй?

Сонджу хотела спросить, что станет *с ней самой*, если она не выйдет за Кунгу, но сказала только:

— Я пришла, чтобы ты помогла мне придумать, как отговорить мать.

Она поднялась на ноги. Теперь у неё не оставалось выбора: придётся просить мать напрямую.

Следующим утром Сонджу сидела на коленях напротив матери. Та была в традиционной корейской одежде, с волосами, собранными на затылке в строгий пучок заколкой из лавандового нефри-

та. Сонджу посмотрела на свою безупречно одетую мать и в очередной раз поразились тому, как они похожи и различны одновременно.

Её мать сидела за низким столиком, изучая бухгалтерскую книгу. Спина прямая, губы поджаты, взгляд сосредоточен на грассбухе, а не бегаёт по помещению. Сердце Сонджу трепетало от мысли о том, что она собиралась попросить у этой стальной дисциплинированной женщины, такой сдержанной, что даже капля крови не выступила бы у неё на коже, если бы кто-то уколол её булавкой.

Когда ей было пять, Сонджу узнала, что не все матери такие. Однажды она пришла в гости к Мису и увидела, как её мать расчёсывает дочери волосы, говоря с ней при этом тихим мягким голосом. Закончив, она коснулась щеки Мису и улыбнулась. Вернувшись домой, Сонджу взяла расчёску и попросила мать расчесать её. Мать посмотрела на расчёску, затем на дочь с явным упрёком. В этот момент сердце пятилетней Сонджу разбилось. Опустив голову, она вернулась к себе в комнату, как побитая собака. Тогда она решила: больше она в матери нуждаться не будет.

А теперь ей необходимо умолять её подождать ещё год.

— Прошу прощения, матушка. Я должна тебе кое-что сказать.

Её мать медленно подняла голову и посмотрела на Сонджу.

Сонджу сделала вдох. Ещё один, и ещё. Затем тяжело сглотнула и сделала ещё один глубокий вдох.

— Я хотела бы подождать год и выйти замуж за моего знакомого, студента Сеульского национального университета.